

# **РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ**

Выпуск IV

2020

*The periodical of the Institute of Oriental Studies,  
Russian Academy of Sciences*

**RELIGION AND SOCIETY  
IN THE EAST**

Issue IV  
2020

Editor-in-Chief  
*Aleksei V. Sarabiev*

ISSN 2542-1530

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

# **РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ**

Выпуск IV  
2020

ISSN 2542-1530

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт востоковедения Российской академии наук

**Религия и общество на Востоке. Выпуск IV (2020)**

ISSN 2542-1530

ISBN 978-5-89282-943-4

DOI 10.31696/2542-1530-2020-4

Издание индексируется в РИНЦ

Интернет-сайт: <http://religion.ivran.ru>

Адрес редакции «Религия и общество на Востоке»:  
107031 Москва, ул. Рождественка, 12, каб. 125

Первостепенным принципом отбора материалов является их научность.

Содержащиеся в статьях идеи и выводы могут не отражать мнения редакции  
и редколлегии.

---

*Научное периодическое издание*  
*Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН*

Подписано 21.03.2020. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.  
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8»  
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

© А.В. Сарабьев, 2020  
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

---

«Религия и общество на Востоке»  
Периодическое издание. ISSN 2542–1530

*Выходит раз в год*

Главный редактор

*САРАБЬЕВ Алексей Викторович*  
к. и. н. (Москва, ИВ РАН)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович*  
к. и. н., заместитель директора (Москва, ИВ РАН)

*ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич*  
д. и. н., профессор (Москва, ИМЭМО РАН)

*ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич*  
председатель Комитета по развитию гражданского общества,  
вопросам общественных и религиозных объединений Госдумы РФ

*ДРУГОВ Алексей Юрьевич*  
д. полит. н., профессор (Москва, ИВ РАН)

*КОБЗЕВ Артем Игоревич*  
д. филос. н., профессор (Москва, ИВ РАН, МФТИ(ГУ), РГГУ)

*НАУМКИН Виталий Вячеславович*  
академик РАН, д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН,  
МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

*ОРЛОВ Владимир Викторович*  
д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)

*САУТОВ Владимир Нилович*  
к. и. н., заместитель директора по развитию (Москва, ИВ РАН)  
Вице-президент по маркетингу и внешним связям Корпорации "Иркут"

*ФОМИН Олег Иванович*  
к. и. н., президент Фонда «РУССАР» (Москва, ИППО)

*ШУВАЛОВ Константин Викторович*  
Чрезвычайный и Полномочный посол (МИД РФ)

*ЯКОВЛЕВ Александр Иванович*  
д. и. н., профессор (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН)

## СОДЕРЖАНИЕ

### К ЧИТАТЕЛЯМ, или **О взаимосвязи религиозной политики и религии**

- 10 -

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ

*Александр ЯКОВЛЕВ*

### **Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков**

- 26 -

*Алексей САРАБЬЕВ*

### **Российское влияние на ближневосточные церковные дела: 120 лет тому назад**

- 67 -

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ  
К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

*Григорий КОСАЧ*

### **«Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества**

- 96 -

*Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ*

### **Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке**

- 127 -

*Филип СТЮАРТ*

### **Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии**

- 162 -

*Нафисе ВА'ЭЗ*

**Влияние паломнических поездок на региональную  
политику Ирана и его отношения с обновленным Ираком**

- 184 -

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ  
В СТРАНАХ ВОСТОКА

*Алексей ДРУГОВ*

**Мусульманский радикализм и терроризм  
в современной Индонезии**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

**Агентурная записка 1920 года о положении в Турции**

(Публикация архивного документа, предисловие  
и комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*)

- 255 -

ОБ АВТОРАХ

- 284 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

- 300 -

# CONTENT

TO READERS, or  
**On the Relationship of Religious Politics and Religion**

- 10 -

## POLITICS AND THE CHURCH

*Alexander YAKOVLEV*

**The Crisis in Relations Between the Constantinople  
and Moscow Patriarchates in the Context of World Politics  
of the XX – XXI centuries**

- 26 -

*Aleksei SARABIEV*

**Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs:  
120 years ago**

- 67 -

## FROM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO RELIGIOUS POLITICS

*Grigory KOSACH*

**Russian “Islamic” Diplomacy:  
Organization of Islamic Cooperation**

- 96 -

*Igor SLEDZEVSKY*

**The Struggle for True Faith:  
Religious Revolution in Black Africa**

- 127 -

*Philip STEWART*

**Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society  
in Sustainable Democracy**

- 162 -

*Nafise VAEZ*  
**The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and  
Its Relations with Renewed Iraq**

- 184 -

RELIGIOUS RADICALISM  
IN THE COUNTRIES OF THE EAST

*Alexey DRUGOV*  
**Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / FROM SOURCES

**One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey**  
Publication of an archival document, foreword and comments by  
*Aleksei SARABIEV*

- 255 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

*Алексей САРАБЬЕВ*

## **РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА: 120 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД<sup>1</sup>**

DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-67-95

Несколько лет накануне и после наступления XX века стали «золотым временем» в истории внешней политики нашей страны в отношении российского влияния на церковные дела Ближневосточного региона. Автор выделяет основные узловые моменты, позволяющие так характеризовать тот период. Явные успехи зарубежной религиозной политики проявлялись, в частности, в сфере лоббирования кандидатур церковных иерархов на православном Антиохийском престоле и даже на Константинопольском. Важной вехой религиозной политики Российской империи за рубежом стал успех в избрании весной 1899 г. на Антиохийский патриарший престол первого патриарха-араба Мелетия II Думани. Вскоре «русофильская» партия победила на выборах Константинопольского патриарха, когда в мае 1901 г. на престол во второй раз взошел известный якобы своими пророссийскими взглядами Иоаким III. Последовал многолетний остракизм медленно набиравшей силу арабской церковной иерархии Антиохийского престола со стороны греческих по своему составу иерархий Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского патриархатов. Все же на первом плане российского влияния оставалась образовательная деятельность ИППО, которая ослабнет лишь к началу I Мировой войны.

---

<sup>1</sup> В основу статьи положен одноименный доклад на III Международной конференции Кабинета ориенталистики МДА «Актуальные вопросы изучения христианского наследия Востока» (Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 12.11.2019) и выступление на XIII Конференции арабистов «Чтения Смилянской» (Москва, ИВ РАН, 27.11.2019).

Нехватка церковных кадров для арабской иерархии епископских кафедр Антиохийской Церкви и участие России в их подготовке, болезненный вопрос конфессиональных переходов в разных районах региона, связь церковных дел с международной политической конкуренцией на Ближнем Востоке рассматриваются автором на основе архивных документов. Российские дипломаты внимательно следили за межконфессиональными отношениями в регионе, особенно за проблемами, связанными с православной общиной, видимо, считая ее отчасти зоной своей ответственности. Это было обусловлено, кроме прочего, соперничеством зарубежных миссий «за души» на ближневосточных территориях. Перипетии межрелигиозных отношений и отчетливый конфессиональный протекционизм французских, британских, итальянских, германских и других западных дипломатов также отражены в донесениях российских консулов, достойно отстаивавших в этой конкурентной борьбе интересы Российской империи на Ближнем Востоке в последние годы XIX – начале XX в. Обращение к теме зарубежной религиозной политики в историческом измерении дает богатый материал для анализа как положительных следствий такого влияния, так и политических просчетов на этом пути. Оно также проливает свет на многие современные вопросы межцерковного взаимодействия.

*Ключевые слова:* зарубежная религиозная политика, внешнее влияние, церковная иерархия, межконфессиональные отношения, арабские христиане, Православная Церковь, Ближний Восток, Российская империя, Османская империя.

### ***Вводные положения***

Россия продолжает активно действовать на Ближнем Востоке. Эффективная военная антитеррористическая кампания в Сирии, патрулирование российской военной полицией проблемных участков границ и внутренних территорий, обеспечение гуманитарных коридоров, помощь мирному населению и сирийской армии, амбициозные экономические проекты в Ливане, Сирии, Ираке и других странах региона – все это работает в пользу высказанного утверждения.

Как прежде, так и теперь эта активность сопровождается особой духовной связью россиян с жителями арабского Востока, а точнее взаимопониманием и доверием друг к другу.

Помимо гуманитарных, культурных и личных контактов, эта связь поддерживается и общностью вероисповеданий – православия (для большинства россиян и значительного числа арабов-христиан) и суннитского ислама (для многих граждан нашей страны и большинства арабов). Вполне закономерно, поэтому, что события церковной жизни христиан Ближнего Востока во все исторические периоды интересовали российское руководство и единоверцев в нашей стране, а проблемы в жизни христианских общин вызывали обеспокоенность представителей России в странах арабского Востока [Смирнова 2019].

Одним из ключевых периодов истории региона можно считать канун больших потрясений в тогдашней Османской империи – годы, предшествовавшие событиям Младотурецкой революции, нескольким войнам, в том числе Великой войны (Первой мировой), распаду/разделу империи. Российские дипломаты в своих служебных донесениях живо отзывались на намечавшиеся повороты в настроениях разных групп населения, в том числе церковных кругах, а их мнение и позиции по тому или иному вопросу были важны в глазах влиятельных восточных архипастырей, причем далеко не только православных.

Ситуация в макрорегионе в рассматриваемый период – рубежа веков и первые годы XX в. – была отнюдь не проще, чем теперь. Даже если учитывать современные перипетии геополитического соперничества мировых держав в Западной Азии (включая палитру черноморской проблематики) и на Балканах, увязку ближневосточных военно-политических вопросов с мировой экономикой, инструментальное использование религии вооруженными группами и, наконец, внутриправославные споры и межцерковные конфликты, то ситуация вполне сравнима по сложности с той, что складывалась там около 120 лет назад.

Ближний Восток входил в сферу интересов многих держав, но основными из мировых игроков в регионе были на тот момент Франция, Британия, Россия, Италия, Германия, Австро-Венгрия. Соединение моментов политического

влияния с усилением межцерковных связей было закономерным и логичным. Особое мнение России по вопросам религиозной жизни местного населения тесно сплеталось с проводимыми линиями других порядков – сугубо светского характера. Линия российской «внешней религиозной политики» формировалась, безусловно, в контексте общей стратегической и геополитической повестки. В этом Российская империя не выделялась в ряду других государств, – причем далеко не задавала тон в этом отношении, а следовала скорее по примеру французов и англичан, которым в миссионерстве и его политическом использовании принадлежало первенство [Farah 1976; Herzstein 2007].

Представители европейских держав неизбежно оценивали ситуацию в Ближневосточном регионе сквозь призму своих представлений о роли, занимаемой в христианском мире каждой из Церквей. В этом отношении показателен «римоцентричный» взгляд, который был присущ, в том числе, и светским западноевропейским ученым. Такой подход обнаруживал в своей работе, например, парижский профессор Пьер Ренувен<sup>1</sup>, автор обстоятельного исследования 1934 г. «Европейский кризис и Великая война». Он писал: «Среди религиозных движений в плане их влияния на общемировое развитие первенство принадлежало Католической церкви. В то время как протестантские и православные Церкви являлись Церквями национальными, Римская церковь была вселенской; подчиненной единому главе, она имела “международный состав” (corps international)» [Renouvin 1934, 50]. Сила католиков в глазах тех многих, кто разделял

---

<sup>1</sup> Pierre Renouvin (1893–1974), французский историк и международник. С 1922 г. преподавал в Сорбонне, в 1933 стал ее профессором. Возглавлял комиссию по изданию французских дипломатических документов за 1871–1914 и 1939–1945 гг. («Documents diplomatiques français», 1929–1959, и др.). Заложил новое направление истории дипломатии и международных отношений, выдвинув концепцию «глубинных сил» как их главного фактора, под которыми подразумевал: географические условия, демографические процессы, экономические и финансовые интересы, коллективная психология. См.: Ренувен, Пьер / И.Э. Магадеев // Большая Российская энциклопедия. Т. 28. М., 2015. С. 402.

подобные мнения, тем самым, обуславливалась единой мировой иерархией их Церкви, а католическое влияние, с их точки зрения, превосходило другие, поскольку исходило из национального основания, якобы в противовес другим христианским конфессиям.

В применении к Ближнему Востоку это утверждение верно, уввы, в том смысле, что местные «национальные» Церкви – то есть, обладающие самобытными религиозными традициями и обычаями – нередко охотно отзывались на приглашение в унию с Римом, и именно уния была уникальной формой включения в католическую ойкумену, – формой не присущей ни протестантским деноминациям, ни православным поместным Церквам.

В конце XIX – начале XX в. главой католиков являлся папа Лев XIII (умер в июле 1903 г.), который проводил эффективную политику «мягкой силы» по вовлечению в орбиту своего влияния стран с самым разным политическим и социальным устройством (выражаясь словами цитируемого автора, проводил «примирительную политику, используемую для умиротворения конфликтов между Церковью и правительствами» [Renouvin 1934, 51]). Эта политическая линия папы в сочетании с особым вниманием к христианам нелатинских традиций, а также к библейской археологии<sup>1</sup>, делала ближневосточные районы Османской империи, а точнее населявших их людей, объектами повышенного внимания тогдашнего понтифика.

Католическое влияние (через многочисленные миссии, благотворительные и образовательные заведения разных монашеских орденов, через общественных деятелей-латинофилов и политиков) в областях «исторической Сирии» оставалось, поэтому, ведущим фактором соперничества для всех, кто действовал в регионе в интересах тех или иных конфессий, и российская политика в этом не являлась исключением.

---

<sup>1</sup> Важность этой области знания была неоспорима для ученых еще за столетие до того. Нередко, впрочем, цели экспедиции такого рода (как зарубежные, так и наши) имели и прикладные политические задачи. См., например: [Вах 2019].

Декларируемой линией было сохранение мира между общинами и общественная безопасность в Святой Земле, сирийских, ливанских и других территориях, но все же двумя первейшими практическими задачами оставались: обеспечение прав и благополучия местных православных общин и наших паломников ко Святым Местам. Разные аспекты православного паломничества затрагиваются в последние годы многими российскими учеными<sup>1</sup>. В их работах уточняются взгляды на вклад в обеспечение порядка и безопасности паломничества российский консулов и вице-консулов на местах, покровительство и юридическая поддержка паломников со стороны российских диппредставительств. Второй из этих двух вопросов оказывается для исследователя, пожалуй, даже более многогранным, имеющим выходы в области политической истории, межцерковных связей, межконфессиональных отношений в регионе и гуманитарной помощи по линии различных обществ, Русской Православной Церкви и даже Императорского двора.

Местные православные общины, их взаимоотношения с согражданами-иноверцами, вопросы внутрицерковной жизни, попытки преодоления трудностей и проблем политического и хозяйственного характеров – все это нуждается в дальнейшем изучении во многих своих аспектах. Одним из таких аспектов и является означенная здесь тема – влияние со стороны российского государства на церковные вопросы на Ближнем Востоке в самом начале XX в.

### ***Зарубежная религиозная политика Российской империи: quo ibat?***

Вероятно, наиболее известным проводником российского влияния в Святой Земле и за ее пределами можно считать Императорское Православное Палестинское общество, созданное в 1882 г. с целью поддержки православия в регионе и утверждения присутствия России в Палестине по примеру других держав. Хотя у основания Общества стояла

<sup>1</sup> См., например, работы Н.Н. Лисового, И.М. Смилянкой, С.А. Кириллиной, С.Ю. Житенёва, К.А. Ваха, М.И. и М.М. Якушевых и др.

императорская фамилия, и создано оно было на личные средства великого князя Сергея Александровича, оно не имело статуса государственного – в том смысле, что не входило ни в какие официальные структуры. И взаимоотношения ИППО с внешнеполитическим ведомством не были безоблачными. На этом поле сталкивались разные взгляды как на способ действия, так и меру участия негосударственных организаций в деле поддержки православия в регионе [Бутова 2019].

В 1895 г. ИППО приняло на себя задачу перенести свою деятельность за пределы Палестины – на другие области «исторической Сирии» (по просьбе патриарха Антиохийского Герасима и митрополитов Бейрутского, Тиро-Сидонского, Триполийского и Эмесского) [Соколов 1914, 82]. Она касалась, в основном, школьного образования в сиро-ливанских православных районах (первыми были школы в Дамаске, Хомсе, Шуейфате, Алеёе, Рашае) [Соколов 1914, 83]. Впрочем, в школах ИППО обучались и представители других конфессий, далеко не только дети из православных семей.

Важной вехой российской религиозной политики за рубежом стало успешное содействие избранию весной 1899 г. на Антиохийский патриарший престол первого патриарха-араба Мелетия II Думани после низложения в конце 1897 г. патриарха Спиридония Евфимиу. Россия действовала в этом деле согласно с мнением османской администрации, и, что важно, в противовес мнению патриархов Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского, в которых церковная иерархия продолжала оставаться почти сплошь греческой по своему составу [Якушев 2006].

Об Антиохийском престоле будет сказано отдельно, здесь же важно отметить знаменательное продолжение успеха русской дипломатии уже на «константинопольском» направлении. Несмотря на многолетние отголоски возникших проблем, связанных с неприятием арабизации Антиохийской патриаршей и многих митрополичьих кафедр, которую якобы провели при помощи русских, вскоре одержала верх «русифильская» партия и при выборах главы на Константинопольском престоле. О политическом влиянии России на выбор

Константинопольским патриархом в мае 1901 г. Иоакима III прямо пишет детально исследовавшая вопрос Л.А. Герд:

«Патриарх Константин V (1898–1901) занимал по отношению к России сдержанную, почти враждебную позицию. Поэтому русская дипломатия ждала очередного патриаршего кризиса, чтобы поддержать избрание на престол Иоакима III, который в первое свое патриаршество (1878–1884) зарекомендовал себя как сторонник гибкой политики в национальном вопросе и друг России» [Герд 2012, 82].

Как передает та же автор, недовольные бездействием патриарха Константина в ответ на расхищение церковного имущества 8 членов патриаршего Синода из 12-и и 6 членов Смешанного совета из 8-и постановили низложить патриарха и избрать вновь Иоакима. Российский посол в Афинах заручился нейтралитетом в этом вопросе главы греческого МИДа, а представитель нашего посольства в Стамбуле – благожелательным отношением Порты. Л.А. Герд продолжает:

«С избранием Иоакима III совпало посещение Болгарии и Константинополя великим князем Александром Михайловичем. Визиты членов императорской фамилии всегда имели положительное значение для укрепления связей России с восточной иерархией» [Герд 2012, 84].

Впрочем, очарование русских политических и церковных кругов новым Константинопольским патриархом продлилось не слишком долго. Отношения развивались явно по убывающей, и в этом весомую роль сыграли сугубо церковные вопросы – болгарский и все тот же антиохийский.

«Российский МИД возлагал на избрание Иоакима большие надежды. После русско-турецкой войны Иоаким был единственным патриархом, который, не будучи открытым русофилом, твердо и последовательно проводил удобную для России наднациональную церковную политику, направленную на примирение враждующих православных народов Балкан...», однако «в чрезвычайно обострившейся политической и национальной атмосфере

на Балканах в начале XX в. он уже не мог проводить ту примиряющую линию, которую ожидало от него русское правительство... Не устраивало Россию направление Константинопольской патриархии ни в антиохийском вопросе, ни в греко-болгарском» [Герд 2012, 84, 91].

И в межцерковных связях, и в ряду вопросов российской внешней политики отношения с Константинопольским патриархатом оставались одними из самых трудных. Это направление заслуживает отдельных исследований. Что же касается ближневосточных областей, которые входили в юрисдикцию трех древних православных патриархатов – Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского, то в первые годы XX в. православные там сталкивались с проблемами общими, отзывавшимися в большинстве приходов региона. В решении некоторых из них отмечалось активное участие российской дипломатии. К таким общим элементам проблемного ряда жизни христианских общин Ближнего Востока относились следующие:

- непростые взаимоотношения церковных иерархий Восточных патриархатов, большинство из иерархов которых всячески противились арабизации Антиохийского престола;
- случаи перехода православных арабских областей Османской империи в иные христианские конфессии;
- конкуренция между зарубежными миссиями в сферах образования и социальной поддержки.

### ***Проблема непризнания патриарха-араба на Антиохийском престоле***

Интриги и внутрицерковные споры и раньше были свойственны моментам избрания новых патриархов в исторических Восточных патриархатах, но вопрос приобрел совершенно новое звучание, когда в Антиохийском патриархате в 1899 г. удалось выбрать первого в истории патриарха-араба – Мелетия, бывшего митрополита Лаодикийского.

Почти полностью состоявшие из греков иерархии Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского патриархатов не собирались мириться с этим избранием

и еще долго, на протяжении нескольких лет пытались строить разного рода препоны обновлявшейся церковной администрации Антиохийского престола. Так, спустя почти полтора года, в сентябре 1901 г. сообщалось:

«Местный патриарх, блаженнейший Мелетий, по-прежнему остается вне церковного общения с остальными восточными патриархами»<sup>1</sup>.

Российские дипломаты свидетельствовали, что даже на патриаршей службе в Иерусалиме новый Антиохийский патриарх-араб вовсе не поминался за литургией. В донесении от 1 марта 1903 г. говорилось:

«В храме Воскресения Патриархом Дамианом [Касатосом] совершена была торжественная литургия, во время коей помянуты были все православные Патриархи, за исключением Патриарха Антиохийского Мелетия. Обстоятельство это свидетельствует об упорстве Иерусалимской Патриархии в непризнании Блаженного Мелетия Антиохийским Патриархом»<sup>2</sup>.

Вполне возможно, что раздражение вызывала национально-культурная подоплека арабизации Антиохийского патриархата на фоне проявлений церковного филетизма на Балканах. Возможно также, что в этом просматривалась попытка удержать в тени Константинополя, не допустить самостоятельности епархий Антиохийского патриархата, в которых полным ходом шла замена митрополитов и епископов греческого происхождения на арабов. Последнее особенно касалось районов Малой Азии или граничавших с ней епархий. Вот, например, как описывалась проблема замены на Киликийской кафедре митрополита-грека на араба:

«Интриги Вселенского Патриарха и партия низложенного Митрополита Киликийского грека Германа всячески затрудняют вступление на должность вновь избранного на указанную митрополичью кафедру Архимандрита

<sup>1</sup> Прибавление к Церковным ведомостям, 15 сентября 1901 г. № 37. С. 1154.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 151 Оп. 482. Д. 3541 Антиохийская Патриархия. Выписка из донесений Тит. Сов. Жуковского. Иерусалим, 1 марта 1903 г., № 192. Л. 1.

Александра. Вселенский Патриарх даже советовал последнему отказаться от кафедры, а в Киликийской епархии, где господствуют ставленники Германа, до сих пор не поминается на богослужении ни имя вновь избранного Митрополита, ни даже блаженнейшего Мелетия. В виду этих интриг, вызванных допущением в Киликию епископа не греческого происхождения, сильно задержалась и выдача берата<sup>1</sup> Архимандриту Александру, а в половине июля Министр юстиции, опираясь якобы на приказание Великого Везира, предписал избрать нового Митрополита»<sup>2</sup>.

Для разрешения сложившейся ситуации некоторые меры принял российский генконсул в Бейруте, высказав свое мнение в защиту нового митрополита-араба.

«Надв[орный] Сов[етник] Батюшков полагает, – продолжал автор донесения, – что исполнение такого требования создало бы в будущем крайне опасный прецедент, который очень невыгодно отразился бы на престиже Блаженнейшего Мелетия, обратившегося уже к Императорскому Послу в Константинополь за поддержкой против греков во главе с низложенным Германом. Последний, пользуясь сочувствием Вселенского Патриарха, продолжает именовать себя Киликийским Митрополитом и, вмешиваясь в дела этой епархии через своих эмиссаров, сеет смуту и агитирует против Патриарха Антиохийского»<sup>3</sup>.

Важно подчеркнуть, что давление на поставленного на Киликийскую кафедру митрополита оказывалось со стороны главы соседнего патриархата (Константинопольского), что являлось, по сути, грубым вмешательством в дела юрисдикционно самостоятельной Церкви – Антиохийской. Попытка дискредитации патриарха Мелетия II осуществлялась

---

<sup>1</sup> Документ об утверждении османской имперской администрацией избранных глав церковных округов.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3545 Антиохийская Патриархия. Выписка из донесения Надв. Сов. Батюшкова. Дамаск, 12 Августа 1904 г., № 235. Л. 1. (В цитатах сохранены написания с прописных букв и некоторые особенности орфографии.)

<sup>3</sup> Там же.

руками низложенного митрополита, за которым стоял патриарх Константинопольский. Примечательно также, что инициатором поддержки чайний новой – арабской – церковной иерархии был российский генконсул в Бейруте (с апреля 1902 по ноябрь 1905 г. – Н.Н. Демерик).

Впрочем, и среди местного населения и нотаблей оставались недовольные удалением от власти епископов греческого происхождения. В одном секретном донесении из Дамаска от мая 1908 г. говорилось: «Большое значение имеет также то обстоятельство, что среди Дамасской общины, особенно среди её нотаблей, осталась сильная партия грекофилов, которая никогда не переставала вести подпольную агитацию»<sup>1</sup>. Так что в православных сиро-ливанских кругах, очевидно, продолжали оставаться проигравшие в результате отстранения от церковной власти греков. Позиции их усиливались по мере разочарования тех, кто ожидал от России увеличения финансового потока на поддержку единоверцев в сирийских областях:

«Грекофильская партия начала поднимать голову, подтрунивая, что Россия не даёт субсидий, которые были обещаны. Другие начали негодовать, так как за отсутствием субсидий нечем было пользоваться, и глухое чувство недовольства росло и крепло, поощряемое с одной стороны грекофилами, с другой стороны английскими миссионерами...»<sup>2</sup>.

Заметим, что обвальная арабизация священноначалия в Антиохийской церкви в первые годы XX в. сталкивалась с кадровым недостатком и трудностями подготовки вообще духовных лиц на местах. На тот момент единственная местная православная семинария – в Баламанде Триполийской епархии, существовавшая на средства небогатого Успенского Баламандского монастыря – только начинала работать. Она была создана в 1900 г. усилиями нового патриарха, но и через десятилетие не могла восполнить кадровый голод.

<sup>1</sup> АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 435 Копия с весьма секретного донесения Консула в Дамаске Князя Шаховского [23 мая 1908 г]. Л. 66.

<sup>2</sup> Там же. Л. 66об.

Ее немногочисленные выпускники направлялись для продолжения обучения либо в Россию (а в семинарии преподавали русский язык), либо в другие духовные училища – за пределами патриархата, например, на острове Халки. Почти в половине епархий испытывались проблемы с назначением новых архиереев.

Конечно, далеко не все тогдашние вопросы могли быть решены финансовой помощью из России, да и та начала сокращаться: даже школы ИППО получали все меньше финансирования, и в России все громче раздавались голоса тех, кто настаивал на введении внутренних механизмов материального обеспечения православных школ, основанных Обществом (либо за счет введения полной платы за образование, либо за счет местных меценатов) [Грушевой 2014, 196], – по примеру инославных миссионерских школ. В дальнейшем сокращавшаяся денежная помощь из России местной православной пастве, как было сказано, вызывала нарастающее недовольство и постепенное усиление «грекофильской» партии.

Но на первых этапах арабизации церковной иерархии основной проблемой была все же кадровая. Помимо болезненного вопроса противодействия греческих епископских кругов, просто не хватало образованных клириков из арабов, достойных занять ответственные церковные посты на епископских кафедрах. Поэтому поначалу многие епархии столкнулись с невозможностью быстро отреагировать на смену епископского состава. В официальном церковном издании Московского патриархата сообщалось, что в 1901 г. 6 епархий Антиохийского патриархата из 14-и оставались без архипастырей:

«Бейрутская митрополичья кафедра, оставшаяся вакантной после смерти преосвященного Гавриила (+1900 г.) пребывает во вдовстве и в настоящее время. Кандидатами на эту кафедру намечены архимандриты – Герасим Масара, настоятель церкви Успения в Александрии, и Рафаил Хауину, настоятель русской и сиронабской православной общины в Нью-Йорке; оба кандидата обладают солидным богословским образованием. Остаются

незамещенными и митрополичьи кафедры Селевкии, где святительствовал известный Герасим Яред (+1899 г.), и Тараса и Адана, где митрополитом состоял кир-Герман, удалившийся на покой в малоазийский город Прусу. <...> Кроме того, оставили свои кафедры и выбыли из пределов Антиохийской церкви митрополиты: Амидский Вениамин, Алеппский Нектарий и Иринопольский Серафим. Кафедру Амидскую, по назначению Антиохийского священного синода, занял митрополит Сильвестр. Замещена и митрополичья кафедра в Лаодикии, пребывавшая во вдовстве после избрания кир-Мелетия на патриарший Антиохийский престол; ее занял преосвященный Арсений. Всего в настоящее время в Антиохийской церкви замещено только восемь митрополичьих кафедр из четырнадцати. Антиохийские иерархи обладают скудными материальными средствами. Ввиду бедности Антиохийского престола, на помощь ему пришло Императорское Православное Палестинское Общество, которое, по сообщению газеты *Oriental Moniteur*, пожертвовало в пользу бедных Сирии 1500 турецких лир. Кроме того, Его Императорское Величество Государь Император подарил Триполийскому митрополиту Григорию, известному своей самоотверженной деятельностью на пользу народного просвещения, шитое золотом архиерейское облачение большой ценности»<sup>1</sup>.

### ***Вопрос конфессиональных переходов***

Одним из самых чувствительных оставался вопрос переходов локальных конфессиональных общин (иногда приходами, а иногда целыми диоцезами или епархиями) в другую веру (одну из протестантских, католическую и др.) или в унию с Римом. Он был связан, как правило, с поиском лучших возможностей для общины ценой такого рода «компромисса». Трудно сказать, была ли тут на первом месте беспринципность лидеров общин или их духовных глав, попытки шантажа вышестоящих иерархов для проведения каких-либо

<sup>1</sup> Прибавление к Церковным ведомостям, 15 сентября 1901 г. № 37. С. 1154–1355.

узкоместнических инициатив или же лавирование между интересами внешних сил. В своей новой книге французский историк и публицист арабского происхождения Амин Маалуф дает следующую нелестную характеристику лидерам ближневосточных общин:

«Большинство из них сверялись только с компасом интересов их партии, клана или религиозного сообщества. Поиск могущественных союзников за пределами национальных границ был для них обычной практикой. Каждый оправдывал свои компромиссы тем, что его народ был в меньшинстве, что он долгое время страдал и что ему нужно любой ценой защищать себя» [Maalouf 2019, 51].

В качестве довода, повторявшегося теми, кто собирался сменить свое вероисповедание или юрисдикцию, действительно, нередко звучала скудость ресурсов их нынешней общины. Этот же довод воспроизводился в официальном российском церковном издании: «К сожалению, православный патриарх беден и сотрудниками, и денежными средствами, столь необходимыми для противодействия богатым католическим и протестантским миссиям»<sup>1</sup>.

Проблема недостаточного финансирования школьного образования для православных была, увы, общей для многих районов Ближнего Востока и Малой Азии. Церковное руководство вполне осознавало всю опасность для православия, которую представляло пренебрежение начальным и школьным образованием для своей паствы. Это следует, например, из предостережения, прозвучавшего в послании Константинопольского патриарха Иоакима от августа 1902 г.:

«...Большинство воспитываемых в инославных школах детей принадлежат православным греческим семействам, которых родители отдают в эти школы единственно ради обучения иностранным языкам, неразумно пренебрегая происходящим при этом вредом для их веры и народности. Между тем, к этим существующим уже очагам пропаганды вновь присоединяется ныне целое,

---

<sup>1</sup> Там же. С. 1154.

можно сказать нашествие на нас инославного христианства – в виде изгоняемых с Запада монашеских орденов, которые у себя на родине устранены законом от духовной власти и влияния и лишены права воспитания юношества. <...> [Они] бегут в наши страны единственно с целью прозелитизма...»<sup>1</sup>.

В результате православные явно проигрывали в той конкурентной борьбе, которую вели в регионе разные миссии как за души верующих, так и за влияние в целом.

В первые годы XX в. некоторые приходы или даже группы приходов Антиохийского патриархата делали попытки перейти в унию с Римом. Сведения об этом должны сохраниться сполна в наших церковных архивах, которые по сей день надежно закрыты. Если же судить по архивам МИД, наши дипломаты указывали на такие события лишь вскользь, а чаще предпочитали сообщать о случаях возврата в православие или же о несостоявшихся переходах, явным образом выставляя в выгодном свете действия российских дипмиссий, которые способствовали возврату. Например, в мае 1903 г. сообщалось:

«Возникшее среди православного населения Аккарской епархии движение в пользу перехода в унию ныне прекратилось. До 15 тыс. православных, подавших заявление Триполийскому греко-католическому епископу о готовности покинуть лоно Православной Церкви, отказались от своего намерения»<sup>2</sup>.

Более развернуто сообщалось о конкретном эпизоде, связанном с российской образовательной деятельностью в Сирии:

«Вследствие равнодушия греческих иерархов, до последнего времени полновластно управлявших Антиохийской Патриархией, часть местного населения перешла

---

<sup>1</sup> Церковные ведомости. 1902, № 38. С. 1336. (Перевод обращения, опубликованного в грекоязычном издании Екклесиастики Алифия, № 33, 16 авг 1902 г.)

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3545. 1904 г. Антиохийская Патриархия. Выписка из донесений Ст. Сов. Демерика. Бейрут, 29 мая 1903 г. № 133, 134, 138 и 139. Л. 6.

в католичество. Когда на Антиохийской Патриарший Престол взошел Блаженнейший Мелетий, иерарх одной национальности со своею Сирийской паствою, и когда дух местного православия воспрянул к новой жизни, обнаружилось, что католичество не пустило глубоких корней среди обращенных за последние десятки лет православных, и среди них стало заметным движение в пользу возвращения в лоно православной церкви. В числе других около 300–400 жителей селения Машгара Сирийского вилайета выразили таковое желание, прося вместе с тем открыть у них православную школу. С помощью Императорского Православного Палестинского Общества школа была действительно открыта. Неудовольствие католиков, вызванное открытием школы, было велико, и все усилия их ныне направлены на то, чтобы воспрепятствовать успехам православия в Машгаре. С этою целью они не пренебрегают никакими средствами. Не довольствуясь увещаниями и угрозами, они направляют свои усилия на то, чтобы всячески затруднить деятельность школы, мешают школьным занятиям, оскорбляют учителей и т. д. В конце концов члены влиятельной местной католической семьи Трабульси произвели открытое нападение на школу, намереваясь учинить кровавую расправу с учителем, который лишь с трудом спасся от нее»<sup>1</sup>.

Автор донесения так характеризовал действия губернатора, который, по-видимому, желал бы сохранения за ИППО положения общественной организации, школы которой лишь косвенно опекались российскими дипломатическими миссиями:

«Несмотря на представления Российского Консульства, Вали, хорошо осведомленный о чинимых безобразиях, не решается принять строгие меры против Трабульси и утверждает, что лучше передать дело суду. Им руководит, по-видимому, опасение вызвать неудовольствие

<sup>1</sup> АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3545. 1904 г. Антиохийская Патриархия. Выписка из донесения Ст. Сов. Беляева. Дамаск, 25 июня 1903 г., № 274. Л.11–11об.

католиков, а вместе с тем нежелание, удовлетворив требования Ст[атского] Сов[етника] Беляева, признать, тем самым, за Консульством право официального покровительства над школами Палестинского Общества»<sup>1</sup>.

В других районах Ближнего Востока также отмечались случаи смены юрисдикции или даже вероисповедания местных православных христиан. Это происходило даже в тех районах, где военно-политическое влияние России в целом росло и, более того, было обусловлено известными стратегическими планами. Вот, например, как характеризовалась ситуация в донесении вице-консула в Ване, где описывалась его встреча с молодым лидером ассирийцев-несториан Мар-Шимуном:

«К сожалению, и православная миссия в Урмии, встреченная айсорами очень сочувственно, подобно прочим, не оправдала их ожиданий и, вследствие неподготовленности членов миссии и их неумелого обращения с туземцами и даже членами других миссий, вызывает сильное недовольство. Успеха православие не имеет, замечается переход из него в католичество и протестантство и вместе с тем некоторое уменьшение симпатий к России, которая, тем не менее, представляется им единственной спасительницей в их безвыходно тяжелом положении»<sup>2</sup>.

Впрочем, переходы в унию с католиками или в протестантизм, всегда подкрепляемые материальной помощью, были характерны в то время и для других местных христианских общин (например, сирийцев-яковитов). Это явление коренилось, как правило, не в вопросах вероучения: иногда угрозы смены юрисдикции были методом давления на вышестоящего архиерея с целью склонить его решение к выгодному для общины исходу, а иногда это становилось просто способом улучшить материальное положение прихода, поддавшегося на посулы инославных. В любом случае, низкий

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> ГАРФ Ф. 559 А.П. Извольский (за 1874–1915). Оп. 1. Д. 16 «Об отношении айсоров-несториан и курдов к турецкому правительству», 1906 г. Л. 1–2. Выписка из донесения Надв. Сов. Термена. Ван, 14 августа 1906 г.

уровень религиозного просвещения прихожан, слабое представление об основах вероучения и, конечно, низкий уровень богословской подготовки клириков были налицо. Эти причины, в конечном итоге, лежали в основе того легковесного понимания конфессиональной принадлежности для некоторых кругов верующих, которое позволяло им совершать в те годы массовые переходы в инославие.

### ***Борьба зарубежных миссий за души верующих***

При всем при этом последние годы XIX – начало XX в. можно считать «золотым временем» российского влияния на церковные дела региона. Помимо описанных ранее успехов зарубежной религиозной политики в плане лоббирования кандидатур церковных иерархов, ощутимой была и поддержка образовательных учреждений для православных. На первом плане оставалась, безусловно, работа на этом направлении ИППО [Бахер, Федотов 2012].

Тот период длился очень недолго, и, хотя оставил заметный след в развитии православных общин, все же не мог сравниться с продолжительным влиянием других европейских государств и даже американских миссионеров. В плане поддержки конфессиональных общин российский вклад в жизнь местных православных сильно уступал деятельности западных католических и протестантских организаций в развитие соответствующих ближневосточных общин.

В донесениях российских дипломатов можно найти достаточно сведений о деятельности религиозных миссий, в том числе о школах разных конфессий. Наиболее обнадеживающие в плане российского влияния данные приводились именно за означенный период. Один из наиболее информативных документов, относящихся к концу XIX в., содержит следующие сведения по североливанским областям Триполи и Аккара на начало 1898 г.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 309 Католические дела. «Список православных, католических и протестантских школ в диоцезах Триполи и Аккара», от 8/20 января 1898 г. (на франц. яз.) Л. 1–2. Судя по подписи, документ был составлен французским консулом в Триполи Жоржем Кацефлисом,

Православные там имели в самом Триполи школу ИППО для мальчиков (с октября 1896 г.); планировалась школа девочек, но к тому времени еще не была открыта. В Триполи-Мина (выделенные в отдельную административную единицу портовые кварталы) также с октября 1896 г. действовала школа ИППО для девочек; была и большая школа для мальчиков (120 учеников, 4 учителя).

Значительное количество православных школ находилось в казе Кура (Триполийского диоцеза), и сообщалось, что «почти все ученики школ в Куре – православные». В административном центре Куры, городе Амьюн была одна школа ИППО и еще одна, содержавшаяся на средства семей учеников (30 учащихся, 1 учитель). По одной школе было в селениях Кфар-Хазир, Кфар-Хака, Фих (30 учеников-мальчиков), Батрумун, Анфе (55 мальчиков, 1 учитель), Кальхас (18 мальчиков), Кфар-Хабо (45 мальчиков, 1 учитель), по две школы – в Кусбе, Бечмеззине, Беттераме (60 мальчиков, 5 девочек, 2 учителя; вторая школа, видимо, открыта была на средства протестантов, о чем ниже).

В диоцезе Аккар было по одной православной школе в Сафите (с. Бурдж, 40 мальчиков, 3 учителя) и Аккаре (90 мальчиков, 2 учителя). Источник сообщал, что незадолго до того (видимо, в 1897 г.) Палестинским обществом были открыты еще три начальные школы для мальчиков: в Сафите (с. Маджда-Бейт-эль-Хелу), Хосне и Аккаре (с. Рахбе).

Католические школы Триполи и Триполи-Мина были на тот момент исключительно при западных религиозных орденах. В Триполи действовала школа для мальчиков «Братьев христианских школ», женская школа «Сестер милосердия» и начальная школа «Отцов-кармелитов» (для мальчиков). В миссионерских школах Триполи-Мина, которые находились под французской протекцией, как сообщалось, обучались почти сплошь марониты. Это были школы для мальчиков от «Братьев христианских школ» и «Отцов-францисканцев».

---

а затем – возможно через его родственников-коммерсантов, состоявших на российской службе, – попал российское генконсульство в Бейруте.

Кроме того, мужские католические школы существовали в Сафите (с. Бурдж, 90 учеников, 3 учителя), Хосне (с. Жуар-эль-Афс, 60 учеников, 1 учитель), Аккаре (с. Миньяра, 65 учеников, 1 учитель), Адбеле (45 учеников, 1 учитель) и Шейх-Мухаммаде (60 учеников, 1 учитель).

В протестантских школах, как и во многих других «конфессиональных» школах, обучались далеко не только члены этой общины. Их посещали, в том числе, ученики из православных семей. Наиболее известной и таких школ была женская Американская миссионерская школа в Триполи. Кроме того, протестанты открыли мужские школы для православных в Куре – селах Бечмеззин (56 учеников, 2 учителя) и Беттерам (30 учеников, 1 учитель).

Протестантские школы для мальчиков были также в Сафите (села Бурдж, 40 учеников, 1 учитель, и Бдадах, 65 учеников, 1 учитель), Хосне (с. Карьят-Амар, 70 учеников, 1 учитель) и Миньяре (55 учеников, 1 учитель).

Интересно, что по своей принадлежности собственно иностранных миссионерских школ было немного. Из перечисленных только школы братьев и сестер-кармелитов и францисканцев в Триполи и Триполи-Мина были французскими, и еще школа для девочек в Триполи была американской, тогда как все остальные православные, католические и протестантские являлись османскими<sup>1</sup>, хотя, конечно, пользовались организационно-финансовой поддержкой соответствующих миссий.

В некоторых районах Ближнего Востока католики и протестанты работали к тому времени уже на протяжении нескольких веков. Но были и места, где активная деятельность, например, католиков едва насчитывала десятилетие. Таков был, например, соседствовавший с Сирией Аданский вилайет. Другой архивный документ содержал такие данные о начальных шагах деятельности католиков в этом районе:

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 2.

«Лазаристы обосновались в Экбесе (санджак Джебель-Берекет), после них прибыли иезуиты из Аданы, за которыми вскоре последовали сестры св. Иосифа Лионского и сестры Богдавленского сестричества св. Иосифа. Все эти религиозные объединения устраивают школы, в которые принимают детей без целей прозелитизма или чего-либо похожего. Хотя в этих школах обучают папские католические деканы, [обучаются там все], невзирая на принадлежность к другим христианским конфессиям. Иезуиты Аданы навещают в домах бедных, раздают милостыню нищим и лекарства больным, стараясь обрести любовь и популярность»<sup>1</sup>.

Тот же автор, вице-консул из Мерсины, сообщал далее российскому генконсулу в Бейруте о протестантах Аданско-го вилайета:

«Американская миссия существует давно – уже почти 40 лет. Американские миссионеры имеют целью проповедь среди армян-григориан и ведут ее с большим успехом, поскольку армяно-протестантская община очень велика в Хатзине и Адане. В Тарсе и Мерсине американские миссионеры ведут проповедь среди православных арабов и феллахов. Среди первых они преуспели более или менее, но немного, однако феллахов [мусульман] османское правительство предостерегает от направления детей в американские школы»<sup>2</sup>.

В приложенной рабочей записке (неподписанной), относящейся к тому же времени, были описаны французские и американские учебные заведения в Аданском вилайете: французские мужская и женская школы при монастыре в Мерсине, и также в Адане, и классы при монастырях лазаристов и траппистов в Шейхлие<sup>3</sup>; американские мужская и женская школы при общине в Мерсине, мужская школа-институт

<sup>1</sup> Там же. Донесение генконсулу в Бейруте А.А. Гагарину от вице-консула в Мерсине А.Ж. Мавромати от 28 октября/9 ноября 1897 г. (на франц. яз) Л. 3.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Французская пропаганда в Аданском вилайете (на франц. яз). Л. 8-9.

св. Павла в Тарсе, школа для девочек при центральной миссии в Адане и мужская и женская школы при миссии в Хатзине<sup>1</sup>.

Приведенные архивные данные могут служить убедительной иллюстрацией напряженной конкуренции зарубежных религиозных организаций (обществ, миссий, орденов, церковных структур) на территориях Османской империи, которая наиболее ярко отражалась в работе по просвещению и образованию местного населения.

Деятельность собственно местных общин и их религиозных судов в Османской империи была жестко упорядочена известной системой миллетов, когда каждая конфессия имела своих представителей при Порте в Стамбуле и была наделена определенной автономией управления. Но зарубежные миссионерско-благотворительные и образовательные организации были тесно связаны не с османскими, а соответствующими иностранными дипломатическими представительствами. Уже одно это обуславливало тесную их взаимосвязь с политическими интересами своих стран. Иными словами, «борьба за души верующих» не могла не идти рука об руку с политической конкуренцией западных государств, ищущих своей выгоды на территориях слабеющей Османской империи.

Россия к тому времени уже давно была вовлечена в пресловутый «восточный вопрос» и даже была стороной в Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войнах. Однако непосредственно религиозную составляющую в эту свою восточную политику Российская империя привнесла сравнительно поздно – лишь с конца XIX в. и то на очень краткий период, почти миг в масштабах истории.

### ***Заключение***

В течение последующих, по крайней мере, еще нескольких лет влияние российских диппредставителей в решении вопросов разных конфессий не уменьшалось. Об этом свидетельствуют, например, контакты нашего генконсула

---

<sup>1</sup> Там же. Американская пропаганда в Аданском вилайете (на франц. яз). Л. 9–10.

в Бейруте с могущественным маронитским патриархом Ильясом Хувайеком, причем последний пытался перетянуть на свою сторону позицию России по таким важнейшим для себя пунктам, как открытие долгожданного для Горно-ливанской автономии морского порта (в Джунии, напротив резиденции патриарха в Бкерке), расширения ливанских территорий за счет долины Бекаа (древней Келесерии), а в идеале якобы вплоть до реки Оронта на востоке и до реки Литани на юге (как передавал генконсул мнение патриарха, «ливанцы были лишены пользования морем и замкнуты в своих голых, бесплодных скалах»<sup>1</sup>). Конечно, патриарху маронитов было важно и согласованное мнение в его пользу европейских генконсулов (французского, британского и российского) в противостоянии с очередным османским генерал-губернатором (мутасаррифом) Горного Ливана, на этот раз уже Музаффером-пашой (Чайковским).

Тем не менее, оставалось достаточно трудностей в том, чтобы воздействовать на религиозную ситуацию в регионе – даже в отношении ближневосточных православных общин. Открытие в регионе более сотни школ ИППО, избрание при поддержке России на Антиохийский престол патриарха-араба, тесные контакты с Константинопольским патриархом в первые годы XX в. – означали, конечно успех в продвижении российского влияния в области религиозной политики за рубежом. Однако на этом поле, похоже, наших дипломатов и общественных деятелей явно «переигрывали» англичане и французы, которые задействовали гораздо большие рычаги воздействия на местных иерархов (зачастую весьма неблагородных), но были весьма эффективны в манипулировании и обращении складывавшихся ситуаций в свою пользу.

Российский формат тогдашних религиозных контактов (узко и односторонне ориентированный) практически исключал какое-либо воздействие на подъем в регионе идей политического ислама, на активность местных неправославных миссий. Даже среди православных иных, кроме Антиохийского,

---

<sup>1</sup> АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 311 Марониты. Донесение № 134 от 29 мая 1903 г. И.А. Зиновьеву. Л. 3.

восточных патриархатов Православной церкви русским было сложно конкурировать с вездесущим англичан, имевших повсюду своих резидентов, а также с популярностью французов, опиравшихся в своей работе на могущественные католические ордена. Поэтому и долговременному ostrакизму антиохийской иерархии со стороны других восточных патриархов-греков, и многочисленным фактам перехода православных в унию или протестантизм трудно было что-либо по-настоящему противопоставить.

Поднявший голову в начале XX в. исламизм, который англичанам удалось взять под контроль<sup>1</sup>, вошедшее в моду на Востоке масонство<sup>2</sup>, проникшее из Европы в политические и даже церковные круги, и многие другие проблемы, о которых сообщали наши дипломаты, вскоре всю сопровождали общественные потрясения в Османской империи накануне ее заката. Во втором десятилетии XX в. российские консулы продолжали пристально следить за ситуацией в сфере межрелигиозных отношений на Ближнем Востоке, но воздействие на нее ощущалось все меньше. Складывается впечатление, что акцент внимания российской политики переместился на Балканы и иные важные регионы, оставив важнейший логический центр мирового православия – Западную Азию – обделенным вниманием.

Итогом стало то, что уже спустя несколько лет урегулирование проблем Ближнего Востока, касавшихся межрелигиозных отношений – от разогрева межконфессионального напряжения в результате Итало-турецкой и Балканских войн до жестокой депортации христиан Анатолии (армян, арабов, ассирийцев) – проходило практически без российского участия. Зато все большее сочувствие у местного стала вызывать активность Северо-Американских Соединенных Штатов, ставших популярнейшей страной назначения для местных эмигрантов всех конфессий (в том числе

---

<sup>1</sup> АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 765. Копия с донесения № 87 консула в Дамаске Колл. Сов. князя Шаховского от 27 марта (9 апреля) 1909 г. Л. 19об.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 768. Донесение № 54 от 31 января 1914 г. Л. 127; там же. Д. 413. Донесение № 272 от 9 апреля 1914 г. Л. 409.

православных)<sup>1</sup> и принявших на себя образ разоблачителя преступлений младотурок как притеснителей других наций и религий<sup>2</sup>.

Около 120 лет, прошедших с тех времен, убеждают историков в необходимости пристального внимания к религиозной ситуации в рассматриваемом ключевом регионе мира. В деле урегулирования сложных социально-политических процессов в странах Ближнего Востока (Ирак, Сирия, Ливан, Израиль и др.), в условиях военно-политических шагов граничащих с ними государств (Турция, Иран и др.) взвешенный стратегический подход предполагает пристальное внимание к сфере межрелигиозных отношений. Как односторонность оценок на этом направлении, так и пренебрежение этой важнейшей сферой жизни местных социумов могут выхолостить плодотворные внешнеполитические усилия и даже привести к негативным результатам.

#### ИСТОЧНИКИ

АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 765, 768.

АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 309, 311.

АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3541, 3545.

АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 435.

ГАРФ Ф. 559 А.П. Извольский (за 1874–1915). Оп. 1. Д. 16.

Прибавление к Церковным ведомостям, 15 сентября 1901 г. № 37.

Церковные ведомости. 1902, № 38.

---

<sup>1</sup> Выше указывалось, что одним из двух желательных кандидатов на бейрутскую митрополичью кафедру уже в 1901 г. рассматривался архиепископ из Нью-Йорка, родом сириец. См.: Прибавление к Церковным ведомостям, 15 сентября 1901 г. № 37. С. 1154.

<sup>2</sup> Как пишет в своей новой статье «Войны сто лет спустя после Версальского мира» наш заслуженный востоковед Леонид Медведко, «Вудро Вильсон называл тогда турок “убийцами христиан”. ...Уже тогда в бухту Золотого рога вошли американские корабли. Американцы намеревались признать Стамбул и зону Проливов своей подмандатной территорией» [Медведко 2019].

## ЛИТЕРАТУРА

Бахер Т.В., Федотов П.В. (сост.) «Московские школы» Ливана, 1887–1914: (Сборник к 130-летию ИППО и 125-летию основания первой школы ИППО в Ливане). Бейрут – СПб., 2012. 175 с.

Бутова Р.Б. Взаимодействие начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) с русским дипломатическим корпусом во второй половине XIX века: особенности и проблемы // Палестинский сборник. 2019. Вып. 116. С. 69–96.

Вах К.А. Путь в Иерусалим. Материалы к биографии Авраама Сергеевича Норова. Часть вторая. Соглядатаи Востока // Палестинский сборник. 2019. Вып. 117. С. 83–97.

Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия (1901–1914) / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, Греческий ин-т Филологического факультета СПбГУ. М.: Индрик, 2012. 320 с.

Грушевой А.Г. Реформирование школ Палестинского общества в Сирии – проекты российских представителей и отношение к ним местного населения (по данным инспекции 1910 г.) // Письменные памятники Востока. 2014. Вып. 2(21). С. 189–200.

Медведко Л.И. Войны 100 лет спустя после Версальского мира: Новые проблемы, новые формы, новые последствия // Независимое военное обозрение, 30.08.2019. URL: [http://nvo.ng.ru/history/2019-08-30/8\\_1059\\_war.html](http://nvo.ng.ru/history/2019-08-30/8_1059_war.html).

Смирнова И.Ю. Церковный вектор российской дипломатии на Православном Востоке в третьей четверти XIX в. (по материалам корреспонденции А.Н. Муравьева) // Палестинский сборник. 2019. Вып. 116. С. 127–148.

Соколов И.И. Антиохийская Церковь: очерк современного ее состояния. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 96 с.

Якушев М.И. Первый Патриарх-араб на Антиохийском престоле // Восточный архив, 2006. Вып. 14–15. С. 99–106.

Farah, Caesar E. Protestantism and British Diplomacy in Syria // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 7, No. 3, Jul., 1976. P. 321–344.

Herzstein, Rafael. The Foundation of the Saint-Joseph University of Beirut: The Teaching of the Maronites by the Second Jesuit Mission in the Levant // *Middle Eastern Studies*, Vol. 43, No. 5, Sep., 2007. P. 749–759.

Maalouf, Amin. *Le naufrage des civilisations*. Paris: Grasset, 2019. 244 p.

Renouvin, Pierre. *La crise européenne et la Grande Guerre (1904–1918) / Peuples et civilisations: Histoire générale / sous la dir. de Lois Halphen et Philippe Sagnac*. Paris: Librairie Félix Alcan, 1934. 640 p.

#### REFERENCES

Baher T.V., Fedotov P.V. (comp.) (2012) *“Moskovskie shkoly” Livana, 1887–1914: Sbornik k 130-letiyu IPPO i 125-letiyu osnovaniya pervoj shkoly IPPO v Livane* (Moscow Schools of Lebanon, 1887–1914). Beirut, St.-Petersburg [In Russian].

Butova R.B. (2019) *Vzaimodejstvie nachal'nika Russkoj Duhovnoj Missii v Ierusalime arhimandrita Antonina (Kapustina) s russkim diplomateskim korpusom vo vtoroj polovine XIX veka: osobennosti i problemy* (Interaction of the Head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Archimandrite Antonin (Kapustin) with the Russian diplomatic corps in the second half of the 19th century: features and problems). *Palestinskij sbornik*, issue 116, pp. 69–96. [In Russian].

Vakh K.A. (2019). *Put' v Ierusalim. Materialy k biografii Avraama Sergeevicha Norova. II: Soglyadatai Vostoka* (Way to Jerusalem. Materials for the biography of Abraham Sergejevich Norov. P. II: Spies of the East). *Palestinskij sbornik*, issue 117, pp. 83–97. [In Russian].

Gerd L.A. (2012). *Konstantinopol'skij patriarhat i Rossiya, 1901–1914* (Constantinople Patriarchate and Russia). Moscow, Indrik. [In Russian].

Grushevoy A.G. (2014) *Reformirovanie shkol Palestinskogo obshchestva v Sirii – proekty rossijskih predstavitelej i otnoshenie k nim mestnogo naseleniya (po dannym inspekcii 1910 g.)* (Reforming the schools of the Palestinian society in Syria – projects of Russian representatives and the attitude of the local population towards them, according to the 1910 inspection). *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, vol. 2, no. 21, pp. 189–200. [In Russian].

Medvedko L.I. (2019) *Vojny 100 let spustya posle Versal'skogo mira: Novye problemy, novye formy, novye posledstviya* (Wars 100 years after the Versailles Peace: New problems, new forms, new consequences). *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 30 Aug. URL: [http://nvo.ng.ru/history/2019-08-30/8\\_1059\\_war.html](http://nvo.ng.ru/history/2019-08-30/8_1059_war.html). [In Russian].

Smirnova I.Yu. (2019) *Cerkovnyj vektor rossijskoj diplomatii na Pravoslavnom Vostoke v tret'ej chetverti XIX v.: po materialam*

korrespondencii A.N. Murav'eva (The Church Vector of Russian Diplomacy in the Orthodox East in the Third Quarter of the 19th Century, based on correspondence from A.N. Muravyov). *Palestinskij sbornik*, issue 116, pp. 127–148. [In Russian].

Sokolov I.I. (1914) *Antiohijskaya Cerkov': ocherk sovremennogo ee sostoyaniya* (Antioch Church: an outline of its current state). St.-Petersburg, Kirschbaum Typ., 96 p. [In Russian].

Yakushev M.I. (2006) Pervyj Patriarh-arab na Antiohijskom prestole (First Arab Patriarch on the Throne of Antioch). *Vostochnyj arhiv*, issue 14–15. pp. 99–106. [In Russian].

Farah, Caesar E. (1976) Protestantism and British Diplomacy in Syria. *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 7, No. 3, Jul., pp. 321–344.

Herzstein, Rafael. (2007) The Foundation of the Saint-Joseph University of Beirut: The Teaching of the Maronites by the Second Jesuit Mission in the Levant. *Middle Eastern Studies*, vol. 43, no. 5, Sept., pp. 749–759.

Maalouf, Amin. (2019) *Le naufrage des civilisations*. Paris, Grasset.

Renouvin, Pierre. (1934) *La crise européenne et la Grande Guerre (1904–1918)*. Serie: Peuples et civilisations: Histoire générale / sous la dir. de Lois Halphen et Philippe Sagnac. Paris, Librairie Félix Alcan.

## ОБ АВТОРАХ

*ДРУГОВ Алексей Юрьевич* – д.п.н., главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР в 1960 г. В Индонезии работал военным переводчиком в центре подготовки индонезийских подводников (1961–1962) и в Советской военной миссии (1962–1964). По возвращении в Москву преподавал в Военном институте иностранных языков (1964–1965); с 1966 по 1991 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (от младшего референта до заместителя заведующего сектором), а с 1991 г. – в ИВ РАН. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории «*Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг.*», в 1999 г. – докторскую диссертацию по политологии «*Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998)*». Автор около двух сотен научных работ, в том числе 7 монографий.  
E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

*КОСАЧ Григорий Григорьевич* – д.и.н., профессор Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется на изучении политических процессов в арабском мире, российской политики на Ближнем Востоке, общественно-политическом развитии Саудовской Аравии. Автор более 150 научных трудов, включая монографии: «*Красный флаг над Ближним Востоком?*» (2001); «*Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы*» (2009); «*Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения*» (М.: ИИБВ, 2003; в соавт. с Е.С. Мелкумян); «*Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг.*» (2013); «*Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.*» (2016).  
E-mail: g.kosach@mail.ru

*САРАБЬЕВ Алексей Викторович* – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Окончил Естественно-географический факультет ЯГПУ (1996) и Историко-филологический факультет ПСТБИ (2003). По окончании аспирантуры ИВ РАН защитил в 2008 г.

кандидатскую диссертацию по истории, в 2017 г. окончил докторантуру ИВ РАН с темой «Межконфессиональные отношения на Ближнем Востоке на примере Сирии и Ливана». Член РГО, входит в состав Совета Московского отделения ИППО. Эксперт Дискуссионного клуба «Валдай». Автор научных статей по истории и социально-политическим вопросам Ливана и Сирии, глав в коллективных монографиях. Руководитель межотдельской научной лаборатории ИВ РАН «Религия и общество на Востоке» и главный редактор одноименного периодического издания. Автор книг: «Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (2012); «Марониты: традиции, история, политика» (2013; в соавторстве с М.А. Родионовым. В 2019 г. издана в Ливане на англ. яз.); «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?» (2017).  
E-mail: alsaraby@ivran.ru

*СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич* – д.и.н., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В 1963 г. окончил Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Современные хауса Северной Нигерии» в Институте Африки АН СССР, а в 1990 г. – докторскую диссертацию «Социоисторические структуры Западной Африки. Проблемы взаимоотношений местных социальных организмов и исторической среды» в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. работает в Институте Африки, специализируется по социальной истории Африки, этносоциологии и теории цивилизаций. Сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.  
E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

*СТЮАРТ Филип* – PhD, старший научный сотрудник Фонда Кеттеринга (США), секретарь правления Института устойчивого диалога и почетный профессор Университета штата Огайо. С 2012 г. – советник директора израильского Форума гражданского согласия. Исполнительный директор

(с 1972 г.), а с 2000 – сопредседатель российско-американской Дартмутской конференции.

*ЯКОВЛЕВ Александр Иванович* – д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова и профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В Институте востоковедения РАН работает с 1970 г., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований. В 1976 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. докторскую диссертации. Сферы научных интересов: социально-экономического развитие нефтяных монархий Аравии, модернизация стран Востока, Ближний Восток в цивилизационном измерении, история России в XIX и XX веках. Автор около ста научных статей и 29 книг. E-mail: aliv\_yak@mail.ru.

*ВА'ЭЗ Нафисе* – доцент Факультета политологии Исламского открытого университета (Азад), отделение Шахреза (Исфахан, Иран). E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

## ABOUT AUTHORS

*DRUGOV Aleksei Yurievich* – Doctor in Politology, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. He graduated from the Oriental Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs in 1960. He worked in Indonesia as a military translator at the Training center for Indonesian submariners (1961–1962) and in the Soviet military mission (1962–1964). Upon returning to Moscow, he taught at the Military Institute of Foreign Languages (1964–1965); From 1966 to 1991 he worked in the International Department of the Central Committee of the CPSU (from junior assistant to deputy head of the sector), and since 1991 he work in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. In 1972, he defended his doctoral dissertation in history titled “Political Development of Indonesia in 1965–1971,” and in 1999, his doctoral dissertation in political science, “Political Culture and Political Process in Independent Indonesia (1945–1998)”. The author of about two hundred papers, including 7 books. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

*KOSACH Grigory Grigoryevich* – Doctor in History, Professor, Faculty of World Politics, Moscow State University. He specializes in studying political processes in the Arab world, Russian politics in the Middle East, and socio-political development of Saudi Arabia. The author of more than 150 scientific works, including the monographs: “The Red Flag Over the Middle East?” (2001); “Communists from the Middle East in the USSR, 1920–1930s”(2009); “Foreign Policy of Saudi Arabia: Priorities, directions, decision-making process ”(Moscow, 2003; co-authored with Elena S. Melkumyan); “Saudi Arabia: Political Processes 1990–2000” (2013); “Russian-Saudi relations: a political aspect, 1990–2015” (2016). E-mail: g.kosach@mail.ru

*SARABIEV Aleksei Viktorovich* – PhD, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. He graduated from the Faculty of Natural Sciences of the Yaroslavl State Pedagogical University (1996) and then the Faculty of History and Philology of the Orthodox St. Tikhon Theology Institute (Moscow, 2003).

At the post-graduate school at the Institute of Oriental Studies of RAS, he defended his PhD in History. He is a member of the Russian Geographical Society; member of the Council of the Moscow branch of Imperial Orthodox Palestinian Society; expert of the Valdai Discussion Club. Author of a several dozens of papers on the history and socio-political issues of Lebanon and Syria, as well as number of chapters in collective monographs. The Head of the interdivisional research laboratory "Religion and Society in the East" at IOS RAS and the Editor-in-Chief of the periodical with the same title. Author of books: "At Home, Abroad. Migration of the Christians of Syria and Lebanon (second half of the XIX – the first half of the XX century)" (2012); "Maronites: Traditions, History, Politics" (2013; co-authored with Mikhail A. Rodionov. In 2019, published in Lebanon in English); "Christians of the Middle East: Yesterday, Today... Tomorrow?" (2017). E-mail: alsaraby@ivran.ru.

*SLEDZEVSKY Igor Vasilievich* – Doctor in History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute of Africa, RAS. In 1963 he graduated from the Faculty of History of Moscow State University. In 1967 he defended his doctoral dissertation "Modern Hausa of Northern Nigeria" at the Institute of Africa, Academy of Sciences of the USSR, in 1990 he defended his doctoral dissertation "Sociohistorical Structures of West Africa. Relations between local social organisms and the historical environment" at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. Since 1967 he has been working at the Institute of Africa, specializing in the social history of Africa, ethnosociology and the theory of civilizations. Fellow of the Leningrad State University. E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

*STEWART Philip* – PhD, Senior Associate at the Kettering Foundation, Board Secretary at the Sustained Dialogue Institute, and Professor Emeritus at The Ohio State University. Since 2012 he is an Advisor to the Director of the Citizens' Accord Forum in Israel. Executive Director (since 1972), and since 2000 – Co-Moderator of the Dartmouth Conference.

---

*VAEZ Nafiseh* – Associate Professor, Department of Political Science, Shahreza Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

*YAKOVLEV Alexander Ivanovich* – Doctor in History, Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics of the Moscow State University and professor at the Faculty of History of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Since 1970, he has been working at the Institute of Oriental Studies of RAS – a Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies. In 1976 he graduated from the Moscow Regional Pedagogical Institute, in 1980 he defended his PhD, and in 1999 a doctoral dissertation. Field of research interests: socio-economic development of the oil monarchies of Arabia, modernization of the East, the Middle East in the civilizational dimension, the history of Russia in the XIX and XX centuries. Author of about one hundred papers and 29 books. E-mail: aliv\_yak@mail.ru.

## ABSTRACTS

### ***Alexander I. YAKOVLEV. The Crisis in Relations Between the Patriarchates of Constantinople and Moscow in the Context of World Politics of the XX–XXI centuries***

The author analyses the main confessional and political aspects of the conflict between the two Patriarchates—of Constantinople and Moscow, which escalated in 2018–2019 in connection with the provision by Constantinople of autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. Attention is drawn to the increase in the religious (civilizational) factor in world politics and its use in modern international relations. The historical prerequisites of this conflict are named, such as the problem of Church autocephaly and the formation of national Churches, a change in world order at the beginning and at the end of the 20th century. Particular attention is paid to the claims of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world, its persistent attempts to affirm their supremacy in relation to all other ancient and new Churches. A significant role in such a policy was played by the personalities of the heads of the Patriarchate of Constantinople in the 20th century. The sources of conflicts are shown between Constantinople and Moscow, in particular on the Ukrainian issue, and the attempts of both sides in the second half of the 20th century to improvement of relations. Attention is drawn to the relationship of the Cretan Council of several Orthodox Churches in 2016 and the subsequent decision of Constantinople on the autocephaly of the Ukrainian Church. The author reveals the sense of using religious issues by the UK and the USA in their policies of containing and weakening Russia. Thus, the crisis in relations between the two parts of the Oecumenical Church has not only a purely church (ecclesiological) significance, but has also become part of the process of transformation of the world system of international relations in the 21st century.

*Keywords:* religion, Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Ukrainian Orthodox Church, autocephaly, national Church, Cretan Council, schism.

### ***Aleksei V. SARABIEV. Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs: 120 years ago***

Several years before and after the onset of the 20th century became the “golden time” in the history of our country's foreign policy regarding Russian influence on church affairs in the Middle East. The author highlights the key points that make it possible to characterize that period in this way. Some obvious successes of foreign religious policy were manifested,

in particular, in the sphere of lobbying the candidatures of Church hierarchs on the Orthodox throne of Antioch and even on Constantinople. An important milestone in the religious policy of the Russian Empire abroad was the success of the election in the spring of 1899 to the Antiochian patriarchal throne of the first Arab patriarch Meletius II Dumani. Soon the “russophile” party won the elections of the Patriarch of Constantinople, when in May 1901 Joachim III, famous for his alleged pro-Russian views, ascended the throne. Many years of ostracism followed towards the Antiochian Arab hierarchy (slowly strengthening) from the side of Greek hierarchies of the Patriarchates of Constantinople, Jerusalem and Alexandria. At the same time, the educational activity of the IOPS remained in the foreground of Russian influence, which would weaken only by the beginning of the First World War. The lack of church cadres for the Arab hierarchy of bishopric chairs of the Antioch Church and Russia’s participation in their preparation, the painful issue of confessional transitions in different regions, the connection of church affairs with international political competition in the Middle East, are considered by the author on the basis of archival documents. Russian diplomats closely monitored inter-confessional relations in the region, especially issues associated with the Orthodox community, apparently considering it to be partly their area of responsibility. This was due, among other things, to the rivalry of foreign missions “for souls” in the Middle East territories. The ups and downs of inter-religious relations and the distinct confessional protectionism of French, British, Italian, German and other Western diplomats are also reflected in the reports of the Russian consuls, who worthily defended the interests of the Russian Empire in the Middle East in the last years of the 19th and early 20th centuries. The turning to the topic of foreign religious politics in the historical dimension provides rich material for the analysis of both the positive consequences of such an influence and political miscalculations along this path. It also sheds light on many contemporary issues of inter-church interaction.

*Keywords:* foreign religious policy, external influence, church hierarchy, interfaith relations, Arab Christians, Orthodox Church, Middle East, Russian Empire, Ottoman Empire.

**Grigory G. KOSACH. Russia’ “Islamic” Diplomacy: Organization of Islamic Cooperation**

The article discusses one of the modern Russian foreign policy trends – the emerged in the early 2000s clear line to establish and develop

relations with the Organization of Islamic Cooperation – the OIC (originally the Organization of the Islamic Conference). OIC unite Muslim countries of the world. As for the reasons that aroused Moscow's interest in interacting with this organization, the author underlines the intensifying Russian contacts with the Arab states of the Gulf zone, primarily with Saudi Arabia. This interest was determined, on the one hand, by economic considerations, and on the other, by the situation in the “Muslim” regions of the Russian Federation (in particular, in the North Caucasus). The development of religious activism and the reality of military operations on the territory of Chechnya the second half of the 1990s predetermined Moscow's view of the OIC as an instrument to mitigate the internal “Muslim” challenge. At the same time, the possibility of establishing relations with the OIC (created and financially supported by Saudi Arabia) required the development of relations between Moscow and Riyadh. The evolution of these relations, characterized by the author as “conflict interaction”, determined the Russian course towards the OIC throughout the time of the beginning of the XXI century. The Saudi factor, as it is assessed in Moscow, became decisive for Russian “Islamic” diplomacy even after Russia officially joined (2005) the OIC as an observer country. Fluctuations in relations with Riyadh also determined the Russian approaches to relations with the OIC, which varied between the freezing of ties and the pragmatism in relations with this organization after 2017 after King Salman bin Abdel Aziz' visit to the Russian capital.

*Keywords:* Organization of Islamic Cooperation, Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi Political Interaction, Russia' Economic Ties with the countries of Islamic World, Russian Moslem Community, Chechen Republic, Tatarstan.

### ***Igor V. Sledzevski. The Struggle for True Faith: Religious Revolution in Black Africa***

The main issue of the article is the role of the world's largest religions – Christianity and Islam in the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa in the XX – early XXI c. The author poses the problem of revolutionary changes and new opportunities of cultural self-determination of Tropical Africa, which open to modern generations of Africans in the context of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival. It includes the phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, poly-cultural world. The subject of the research

is the role of Christianity and Islam in the self-determination of the Black Africa people at the present stage of the world religious revival, the rise of religious nationalism, the denial of westernization of non-Western societies as a universal and purely secular model of social modernization. The purpose of the study is to discuss the issue of new opportunities for religious self-determination in Black Africa, which pave to its population the way of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival (Islamic fundamentalism, “southern Christianity”) that appear as anti-secular, anti-Western movements. The main factors and processes of filling the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa with religious content are considered: the trends of de-secularization of the world community; the evolution of the principles and values of African syncretic religions in the direction of universal dogmas of world religions; the processes of religious mobilization of social groups and segments of the African population; the strengthening of the role of the religious component in the cultural identity of Africans. It is concluded that in the civilizational development of the region there is a religious and cultural turn.

*Keywords:* Islam and Christianity, modern post-secular world, changes in the confessional structure of the population of Tropical Africa, cultural and religious self-determination of the peoples of Tropical Africa, African religious syncretism and its evolution, religious revolution religious mobilization, Afro-Christian and Islamic-African identity.

***Philip STEWART. Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society in Sustainable Democracy***

The article discusses the opportunities and challenges faced by one of efforts for deepening democratic path in Israel, the Citizens Accord Forum (CAF) founded in 2002. The author has been an informal partner and advisor to the CAF director for the past eight years. The Forum conducts a range of projects, including an Arab-Jewish newspaper, a multi-ethnic youth center, work with the Knesset, the only large-scale public meeting regularly attended by prominent Jews and Arabs, known as the Jaffa Convention, as well as dozens of on-going groups of Arabs and Jews using deliberative dialogue to address or manage practical problems in their communities. The more precise formulation of CAF’s objectives is a shared society in a sustainable democracy. CAF understands democracy as a system of governance in which power comes from the ability of citizens to decide and act on shared concerns – beginning in

their communities – and thus work to shape their common future, both through what they do with other citizens and through their institutions. The shared society and the sustainable democracy, are interdependent elements.

*Keywords:* deliberative civil dialogue, civil values, religious freedom, equality and liberty, shared society, sustainable democracy, Citizens Accord Forum, Israel.

### ***Nafiseh VAEZ. The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and on Its Relations with Renewed Iraq***

In focus of the article is the effect of Iranian Shiite pilgrimage trips to Iraq on Iran's regional politics, as well as on Iran's relationship with a renewed Iraq. The author uses elements of a descriptive-analytical method, as well as a synthesis of the theory of Flemish leadership criteria, the theory of a functional imperative for Mitrani's collaboration, and the constructivist theory of the impact of social norms on the political behavior of actors. The research hypothesis is that, due to the influence of Shiite identity on Iran's policies by a significant part of the region's population, pilgrimage trips created an imperative for cooperation between the two countries: strengthening Iran-Iraq relations, they will create the prerequisites for the implementation of the policy of Islamic unification in the Middle East based on the experience of deep interactions with Iraq. This experience indicates that the most important functions of pilgrimage trips for the regional policy of Iran and Iran-Iraq relations are as follows: creating a basis for Islamic convergence, rethinking the concept of "Islamic identity" and using the cosmopolitan function of spiritual travel, turning the borders of war into the borders of the world, and Iran's failure from the revival of previous political differences and reliance on soft power politics in a renewed Iraq, the influence of pilgrim spirituality on the spread of the idea of non-violence and is tired the emergence of peace in the region, participation in the reconstruction of Iraq with an emphasis on the reconstruction of the tombs of Shiite imams in Baghdad, Najaf and Karbala. Iran's policy towards Iraq is formalized using constructivist analysis based on the priority of the rule over interests.

*Keywords:* pilgrimage, religious tourism, regional politics, political power, Iran, Iraq, Shiite culture.

***Aleksei Yu. DRUGOV. Moslem Radicalism and Terrorism in Indonesia Today***

Based mainly upon materials from Indonesian press and by Indonesian authors, the paper shows that religious radicalism and terrorism as its extreme form are resulting mostly from social and economic factors. The main are social inequality and disparity in the development of regions. The external factor plays their role too. The Islamic extremism is generated among other reasons by the threat of unipolar world policy pursued by the USA. The article deals also with steps taken by the present Indonesian government, both political and by force to meet the threat of radicalism and terrorism. The main author's conclusion is that the way to overcome radicalism and terrorism lays in overcoming its roots. The government of President Joko Widodo is taking certain steps considering that in Indonesia disparities of social and economic development often coincide with geographic factors, while confessional differences are overlapping them. The government is developing the infrastructure to provide progress of most remote regions. Several programs are aimed at rising education level, wellbeing and health facilities for poorest Indonesians. The government warns against connecting terrorism with Islam religion which is inseparable part of the world civilization. Indonesia itself especially under President Abdurrahman Wahid who was distinguished Moslem leader (1999-2001) proved that Islam and democratic reforms do not confront each other.

*Keywords:* Islam, religion, radicalism, terrorism, social roots, inequality, contradictions, intolerance, democracy.

**One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey**

*Publication of the archival document; foreword and comments by Aleksei V. SARABIEV.*

As the core of this paper is presented the publication of one small secret intelligence report from Istanbul (September 1920). The document contains a meeting description accompanied by the transmission of the conversation between the US military representative and the head of the Ottoman government (Grand Visir) in Istanbul during the difficult period for Asia Minor—with both duarchy and large-scale foreign intervention. The structure of the paper includes a detailed commentary on the published archival document with a brief author's introduction. The commentary gives an outline and some details of the historical background of the events of that time, in which Russia, also torn apart by the civil

war and intervention, was indirectly involved. The growing influence of the United States in military-political conflicts in the regions of the Black and Mediterranean Seas is emphasized. The main focus of the comments is done on the religious argument in proving the military activity and political competition of the world powers in Asia Minor. The religious and confessional aspect of social instability is also highlighted as significant, although it was subordinated mainly to the phenomena that act as the leading factors of civil confrontation in the Asia Minor territories of the former Ottoman Empire—the national-political, economic (struggle for concessions), as well as the Ottoman wars with so-called Christian powers and the ensuing direct military intervention.

*Keywords:* interventions, religious factor, interfaith clashes, Entente, Ottoman Empire, Turkish Republic, USA, Russia, Crimea, Treaty of Sevres, Pyotr N. Wrangel, Damad Ferid Pasha.

## IN THE PAST ISSUES

TO READERS, or Endless Talk about the Study of the East, by *Aleksei V. Sarabiev*

To the fundamentals of the methodology for studying traditional communities of the East (extended transcript of the round table, IOS RAS, December 18, 2017)

*Leonid B. Alaev*. Was there a community? (Interview)

*Aleksei V. Sarabiev*. Interfaith relations in the light of deprivation theory versions

*Leonid I. Medvedko*. Three circles of Russian Eurasianism in the dichotomy of the East–West

*Veniamin V. Popov*. Eurasian essence of the Russian civilization

*Mahdi Salihi, Mohammad Masjed-Jame'i, Ahmad Mokri*. Islamic-Christian dialogue in modern Iran: a problematic analysis

*Ildar Kh. Minyazhetdinov*. Politics of the Vatican in the modern Islamic world: on the issue of the strategy of ecumenization of traditional Islam

*Sergey L. Kuzmin*. Buddhism and socialism: a comparative analysis of interactions in the USSR, TNR, Mongolia and the PRC

*Elena S. Lepekhova*. The religious aspect of the legitimization of the status of women empresses in the Far East (Wu Hou and Koken)

Lebanese society through the eyes of the Maronite Patriarch Boulos Meoushi: two reports of Swiss ambassadors to Beirut Preparation, translation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

For references: *Religion and Society in the East*, 2019, Vol. III (Ed.-in-Chief Aleksei V. Sarabiev; Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow), 374 p. ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5.

**Issue II (2018)**

TO READERS, or the Historicity of Actual Problems and the Relevance of Historical Retrospection, by *Aleksei V. Sarabiev*

*Alexander V. Demchenko*. Clans in Gaza Strip Politics

*Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan*. Gulf Arab Countries: Field of Confrontation with Terror

*Ildar Kh. Minyazhetdinov*. "Atypical" terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on an example of the terrorist attack in Khan Bani Saad)

*Natalia A. Berenkova*. Shiite Transnational Movements Features in the Middle Eastern Arab Countries

*Aida A. Simoniya*. The Issue of Ethno-Confessional Relations in Burmese Society

*Vera D. Karateyeva*. Chinese Catholics between the Vatican and the Communist Party: A Split Church in the Realm of Unanimity

*Ekaterina A. Zavidovskaia*. Temple festival in Taiwan: procession devoted to worship of Green mountain ruler Qingshan Wang held in a Taipei temple

*Sergius L. Kuzmin*. Mechanisms of Elimination of Monarchies in the States of Inner Asia in the First Half of the 20th Century

The Files about the "Unification" of the Churches, 1911-1912: Antioch Trajectory. Composition, preparation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

---

**Issue I (2017)**

TO READERS (Preface, by *Aleksei V. SARABIEV*)

*Grigory G. Kosach.* Saudi Arabia: “Religious State” or “State’s Religion”?

*Elena V. Dunaeva.* Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity

*Evgenia S. Yurlova.* India. Castes in Politics

*Aleksei V. Sarabiev.* Interfaith Relation Issues in Syria

*Maria A. Pakhomova.* Society, Religious Politics and Islam in China

*Vladimir V. Orlov.* “Big” and “Small” Moroccan Islam Tradition: Problems of Distinction and Socio-Cultural Context

*Abdullah Al-Ahmar (Syria).* Religious Issues Through the Prism of the Ideology of Arab Socialist Ba’ath Party

## В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

### Выпуск III (2019)

К читателям, или Нескончаемый разговор об изучении Востока (*Сарабьев А.В.*)

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.)

*Алаев Л.Б.* А была ли община? (Интервью)

*Сарабьев А.В.* Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории

ВОСТОК – ЗАПАД

*Медведко Л.И.* Три круга русского евразийства в дихотомии Востока-Запада

*Попов В.В.* Евразийская сущность Российской цивилизации

НИТЬ СОБЫТИЙ – КАНВА ИДЕЙ

*Салехи М., Масджед-Джаме'и М., Мокри А.* Исламо-христианский диалог в современном Иране: проблемный анализ

*Миняжетдинов И.Х.* Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

*Кузьмин С.Л.* Буддизм и социализм: сравнительный анализ взаимодействий в СССР, ТНР, МНР и КНР

*Лепехова Е.С.* Религиозный аспект легитимации статуса женщин-императриц на Дальнем Востоке (на примере императриц У-хоу и Кокэн)

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса II Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте (Подготовка, перевод, комментарии – *Сарабьев А.В.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2019, Вып. III (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2019. – 374 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5)

**Выпуск II (2018)**

К читателям, или Историчность актуальных проблем и актуальность исторической ретроспекции (*Сарабьев А.В.*)

нить событий — канва идей

*Демченко А.В.* Клань в политической жизни сектора Газа

*Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором

*Миняжетдинов И.Х.* «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад)

*Беренкова Н.А.* Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока

*Симония А.А.* К вопросу об этноконфессиональных отношениях в бирманском обществе

*Каратеева В.Д.* Китайские католики между Ватиканом и коммунистической партией: расколота церковь в царстве единодушия

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

*Кузьмин С.Л.* Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX века

Крупным планом

*Завидовская Е.А.* Храмовый праздник на Тайване: процессия по случаю дня рождения Правителя Зеленой горы Циншань-вана в г. Тайбэй

EX PRINCÍPIIS / из источников

Дело об «объединении» Церквей, 1911–1912. Антиохийская траектория. (Составление, подготовка к публикации и комментарии – *А.В. Сарабьев*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2018, Вып. II (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2018. – 335 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-759-1)

**Выпуск I (2017)**

К читателям (*Сарабьев А.В.*)

## РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

*Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»

*Дунаева Е.В.* Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности

*Юрлова Е.С.* Индия. Касты в политике

*Сарабьев А.В.* Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии

*Пахомова М.А.* Общество, религиозная политика и ислам в Китае

## ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

*Орлов В.В.* «Большая» и «малая» традиции в марокканском исламе: проблемы разграничения и социокультурного контекста

## EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

*Аль-Ахмар, Абдалла.* Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения = Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр Хизб аль-баас аль-араби аль-иштираки (*на араб. яз.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2017, Вып. I (Отв. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2017. – 290 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-719-5)

Первые результаты работы созданной в Институте востоковедения РАН в ноябре 2015 г. межотдельской научной лаборатории «Религия и общество на Востоке» составили отдельный одноименный тематический выпуск периодического издания **«Восточная аналитика», 2015, Вып. 3:**

*Яковлев А.И.* Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации

*Белокреницкий В.Я.* Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

*Бектимирова Н.Н.* Буддийский ренессанс в Камбодже: тенденции и перспективы

*Симоня А.А.* Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой

(Выпуск содержал расширенные абстракты и переводы некоторых статей на англ. яз.)

Для цитирования: *Восточная Аналитика*, 2015, Вып. 3: Религия и общество на Востоке / отв. ред. выпуска А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 84 с. – (ISSN 2227-5568; ISBN 978-5-89282-689-1).